

Цюй Тунцю запаниковал. Он поспешно сказал: «Нет, нет. Мы выпили вместе, я напился, и все». Хотя для него это было откровенным насилием, но если бы ему пришлось настаивать на том, насколько Чжуан Вэй был не прав, а тот уклонился бы от ответственности...

«Чжуан Вэй сказал, что я первый намекнул ему, я этого не помню... должно быть, это недоразумение».

Жэнь Нинъюань молча взглянул на него и через некоторое время сказал: «Почему ты так поступил? Ты понимаешь, что повел себя глупо?» Цюй Тунцю неловко улыбнулся.

Любой, кто услышал бы его историю, подумал бы, что он вел себя глупо, но кто будет опасаться старого знакомого, который оказывается, так смотрел на него? Сколько людей не ведут себя глупо, напившись?

Сев в машину, он сказал: «Жэнь Нинъюань, я действительно не делал ничего в твоём доме.»

Жэнь Нинъюань посмотрел в окно: «Я неправильно понял.»

Цюй Тунцю вздохнул, его не простили. Нет чувства облегчения. Он не разочаровался в Жэнь Нинъюане, Нинъюань по-прежнему идеален, все его восхищение им на месте, но иллюзия близости исчезла.

Он такой простой человек, которого легко разглядеть насквозь. А они неправильно его поняли, потому что не желали прилагать дополнительных усилий, чтобы разобраться и поверить. Жэнь Нинъюань и Чжуан Вэй одинаковы.

Он разочарован в себе. Осталось только горькое чувство одиночества.

На перекрестке Цюй Тунцю уже был готов выйти и идти обратно пешком, но, к счастью, Жэнь Нинъюань попросил водителя отвезти его до общежития.

Хотя он знал адрес, Жэнь Нинъюань приехал сюда впервые. Он посмотрел на старое здание и сказал: «Прошлой ночью шел сильный дождь».

“Ну, я слышал, что некоторые места были затоплены”.

«У тебя в доме беспорядок?»

«Ах...» Подозрения Жэнь Нинъюаня заставили его насторожиться. Ему показалось, что, когда он говорил о каких-то плохих вещах Жэнь Нинъюаню, это расценивалось, как просьба.

"Нет, окна довольно плотные".

Жэнь Ниньюань посмотрел на него: "Тогда я поднимусь и посмотрю."

"Общежитие довольно хорошее, ничего особенного, обычная квартира. Кроме того, ты торопился".

"Пошли".

«Нет необходимости». Это был первый раз, когда он отверг предложение Жэнь Ниньюаня, тот удивился, но не стал настаивать. Он посмотрел на него, улыбнулся и сел обратно в машину.

Цюй Тунцю была вставлена лекарственная свеча, но боль не уменьшилась, и его поза при ходьбе оставалась странной.

"Больно?"

"Почти уже не болит". Это сказал его рот. Он уже однажды ходил в туалет, от боли его лицо побледнело, он был в ужасе. Пока рана не заживет, он посмеет есть только жидкую пищу.

Жэнь Ниньюань посмотрел на него: «Если ты плохо себя чувствуешь, я отвезу тебя на операцию.»

«Нет, я могу сделать это сам» Жэнь Ниньюань еще раз взглянул на него, кивнул и закрыл дверцу машины.

Цюй Тунцю смотрел, как машина уезжает, пока ее тень не исчезла, а затем повернулся, чтобы войти в подъезд. Он не знал, можно ли считать эту попытку отстоять свое мнение, лучшим выступлением с точки зрения Жэнь Ниньюаня. До сих пор он все такой же, как и раньше, с нетерпением ожидает признания и благодарности Ниньюаня.

Он медленно поднимался по лестнице, шаря в кармане в поисках ключей, но когда добрался до своего этажа, то увидел, что кто-то стоит у двери его квартиры, одна рука в кармане, а другой он монотонно стучит в дверь.

Когда Цюй Тунцю увидел этого человека, он был потрясен и бессознательно отступил на шаг.

Мужчина, похоже, давно ждал и, увидев его, выругался: «Где ты умер? Почему ты только сейчас вернулся?»

«...Я выходил. Что ты тут делаешь?»

Чжуан Вэй фыркнул: «Я. Я принес немного еды, чтобы спасти беженцев».

Цюй Тунцю также увидел два пакета у его ног и понял, что в них продукты, но он все еще не хотел приближаться к Чжуан Вэю. Когда он видел его лицо, он сразу вспоминал о том, что произошло той ночью. Сейчас, когда он был трезв, не очень приятно иметь дело с этими яркими воспоминаниями.

«...Откуда ты знаешь, что я здесь живу?»

Рассказывая об этом, Чжуан Вэйлуо был немного горд: «Спросил Сяо Цю, курьера под началом Нин Юаня, и все узнал». Да, тяжелая работа.

Чжуан Вэй подобрал лежавшие на земле пакеты и вошел в комнату, он, первым делом, снял туфли и одел тапочки, поставил на стол пакеты, а затем долго осматривался. В квартиру, из-за щелей в рамах, попало много воды, хотя Цюй Тунцю уже вымыл пол перед выходом, но интерьер был простым и на первый взгляд обшарпанным. Не говоря уже о том, что под подоконником валялось несколько кусков обшивки стены, оторвавшиеся ночью.

"Это очень плохо. Может ли человек жить в таком месте?" Чжуан Вэй, казалось, смотрел на все вокруг, как на большую шутку: "Как вообще это возможно?"

Цюй Тунцю сказал: "Я живу очень хорошо, и это удобно. Место как раз то, что надо. Удобно добираться до работы»

Чжуан Вэй взглянул на него: «Это правда?»

Хорошая жизнь, у него была, всего несколько дней под светом Жэнь Нинъюаня, поэтому он не успел стать неженкой. Не говоря уже о том, что это место чистое, а он жил в условиях в десять раз хуже.

Если Жэнь Нинъюаня и остальных сравнить с дорогими особняками, то он родился такой старой квартирой.

После того, как Чжуан Вэй сел, Цюй Тунцю пошел кипятить воду, но своей еды у него не было, поэтому ему пришлось заварить чай с грейпфрутовым медом, который купил Чжуан Вэй.

Они сели недалеко друг от друга и включили маленький телевизор, оставленный предыдущим жильцом, интересных программ не было, а атмосфера между ними была неловкой.

Чжуан Вэй попытался подразнить его, но Цюй Тунцю нервничал. Вэй не будет к нему добр без причины. В прошлый раз он пригласил поесть и посмотреть фильм, а ценой для Тунцю была постель и цветущая задница. На этот раз он принес ему много еды, теперь, он не знает, что и думать.

Тело Цюй Тунцю болело, и он был рассеян во время разговора и беспокоился. Когда он понял, что Чжуан Вэй пытается к нему приблизиться, он поспешно отодвинулся. Повторив это несколько раз, Чжуан Вэй, вероятно, почувствовал скуку, и, посидев недолго, встал и попрощался.

Цюй Тунцю подвел его к двери и сказал «иди осторожно», наблюдая, как он наклоняется, опирается на стену одной рукой, а другой надевает обувь. Когда туфли были надеты, Чжуан Вэй оперся другой рукой о стену, поместив Цюй Тунцю в середину.

Волоски на спине Цюй Тунцю сразу встали дыбом, его лицо стало жестким, и он тут же сказал: «Я не гей.» Чжуан Вэй смотрел на него, стоя очень близко, глаза в глаза, губы кривила полуулыбка.

«Почему ты сказал это так резко?» Как только он заговорил, его дыхание мягко коснулось кончика носа, сексуальная провокация, Цюй Тунцю испугался и даже потерял дар речи.

«Ты нервничаешь?»

«...»

«Почему ты вдруг перестал смотреть на меня?»

«...»

«Честно говоря, я думаю, что у тебя тоже есть чувства к мужчинам».

“Это не возможно!” Все тело Цюй Тунцю напряглось, он поспешно призвал его: «Ты надел туфли, поторопись. Поторопись и уходи».

«Чего ты боишься? Ты беспокоишься, что я тебя поцелую?»

Цюй Тунцю не мог внятно объяснить: «Я, я просто не привык быть так близко к людям...»

«Хочешь попробовать?»

Цюй Тунцю поспешно отказался: «Нет необходимости!»

Чжуан Вэй промычал: «Пошли, это просто шутка, чего ты нервничаешь!» Он сказал это, но не захотел отпустить его.

Цюй Тунцю запаниковал, увидев, что губы собеседника, сейчас, накроют его рот, он внезапно

набрался смелости и сильно оттолкнул Чжуан Вэя: «Мне не нравятся такие шутки». Только люди, способные себя защитить, могут вести равноправный диалог. Теперь он больше не может полагаться на Жэнь Нинъюань и должен сам попробовать это сделать.

В конце концов, он так и не сказал ничего жестокого, волновался, и голос его был немного глухим: «Последний инцидент уже прошел, мы забудем о нем, но я не позволю ему повториться в будущем. Я серьезно. Если ты меня не уважаешь, я не буду с тобой вежлив».

Чжуан Вэй на мгновение остолбенел, затем его лицо стало злым, и он стиснул зубы: “Кем ты себя возомнил? Если кто-то вроде тебя, хочет подняться к кому-то вроде меня, это мечта наяву! Я лебедь, а ты жаба, понятно?”

Это правда, но... "Извини... но я не гей..."

Чжуан Вэй долго смотрел на него и вдруг сильно сжал. Потом отпустив, тихим голосом отругал: "Мертвый разум..."

Когда Чжуан Вэй ушел, Цюй Тунцю все еще нервничал. Чувствуя опасность, он закрыл дверь и дважды проверил замок, прежде чем лечь спать.

Он тоже не дурак. Он понимает, что Чжуан Вэй не любит его, но у него есть желание сделать с ним это.

Насилие со стороны человека с внешностью и личностью Чжуан Вэя может быть сексуальной фантазией кого-то. Но на самом деле, в реальной жизни, это насилие и ничем хорошим оно обернуться не может, как бы ни был красив этот человек.

Каким бы красивым ни был сановник, кто захочет быть избитым, только для того, чтобы выделиться?

Удовольствие принадлежит только той стороне, кто атакует, а он представляет собой чисто туалетную функцию. Он получил только боль, кровотечение и травмы, а также комплексы и страх.

Тунцю подумал о двух больших сумках с едой, как о залоге, оставленном Чжуан Вэем, они, казалось, стоили много, и ему стало страшно.

Он выбрал позу, в которой было не слишком больно лежать, накрылся одеялом, бесцельно думая о доброте Жэнь Нинъюаня к нему, и чувствуя странное утешение, он медленно заснул.